

## Глава 24. Свадьба

Носк поначалу собирался выбраться наружу и осмотреться, но хмель окончательно сморил его, и он уснул прямо в ванне крепким, беспробудным сном.

Он понятия не имел, сколько проспал.

Проснулся он оттого, что на лицо сплыла его собственная липкая слизь. Разомкнув веки, Носк осознал, что за время сна невольно принял свой истинный облик. Громадная, склизкая осьминожья голова упиралась в самый потолок. Тесная гостиничная ванная комната совершенно не подходила для его исполинских размеров — всё замкнутое пространство до отказа забило багрово-красные плотоядные щупальца.

С тихим шипением он попытался втянуть беспорядочно извивающиеся конечности, но те наотрез отказались подчиняться. Извиваясь подобно змеям, щупальца поползли по кафельному полу, норовя просочиться в щель под дверью на волю.

— Идиоты! — испуганно зашипел Носк, силой втягивая их обратно. — Вы же его напугаете! Ещё раз... ещё раз не слушаетесь — всех поотрубаю!

В подкрепление своих слов он угрожающе полоснул ладонью по воздуху, словно мясник, рубящий тушу на рынке.

Похоже, свирепая угроза подействовала: щупальца нехотя втянулись. Если бы они умели говорить, то наверняка осыпали бы своего хозяина отборной бранью, обзывая трусом. Впрочем, Носку было плевать на их мнение.

Он снова принял человеческий облик. Одежда, за ночь пропитавшаяся солёной водой, пошла белёсыми разводами, с неё непрерывно капало.

В конце концов он просто её скинул. Стоять нагишом было непривычно. Вспомнив о человеческих приличиях, Носк стянул с вешалки белое полотенце и обернул его вокруг бёдер, прикрывая наготу.

В номере царила тишина. Прижав ухо к двери и убедившись, что всё спокойно, Носк бесшумно повернул ручку.

Осьминоги от природы наделены особым даром: их босые присоски ступают по полу, не издавая ни единого шороха.

Снаружи уже рассвело, но в комнате плотные шторы были задвинуты так наглухо, будто всё ещё длилась ночь.

Носк повёл глазами и уставился на человека, спавшего на мягкой двуспальной кровати.

Спящий Ван Цзиншань совсем не походил на себя прежнего. Он свернулся калачиком, до упора натянув одеяло, точно забившийся в нору встревоженный зверёк. Носк подошёл ближе и склонился над кроватью, любуясь его красивым лицом. На сердце потеплело.

Возможность вот так, едва открыв глаза, видеть любимого... это было слаще, чем лакомиться сочной крабовой икрой и свежими креветками.

Офицер всё ещё лежал в сорочке и брюках. Широкие плечи, узкие бёдра... Не будь его живот слегка округлым, его фигуру можно было бы назвать эталоном мужской красоты. Верхние пуговицы белой рубашки расстегнулись, обнажая крепкую мускулистую грудь. Галстук съехал набок и небрежно болтался на шее. В глазах огромного осьминога эта деталь выглядела как упаковочная лента на подарке, который не терпелось развязать.

Он не удержался: наклонился и кончиками пальцев осторожно стянул шёлковую ленту с шеи мужчины.

От лёгкой щекотки Цзиншань завозился и уткнулся лицом в подушку.

Лицо его лихорадочно горело, на лбу выступил холодный пот, губы были плотно сжаты, а дыхание казалось хриплым и тяжёлым. Этот суровый, волевой и негиббемый полицейский, который даже перед лицом тварей из иного мира не ведал страха, сейчас выглядел беззащитным. Словно тонкая фарфоровая ложечка — надави чуть сильнее, и она расколется надвое.

— Цзиншань, — тихо позвал Носк.

Веки офицера дрогнули, но он лишь глубже погрузился в кошмар, не в силах прийти в себя.

Носк не шутя затревожился. Он коснулся ладонью чужой щеки — кожа была обжигающе горячей.

Что с ним? Неужели заболел?

Носк знал, что такое недуг. Для хрупких людей болезнь была сродни свирепому чудовищу, которое пожирает их изнутри, заставляя корчиться от боли и кричать.

Единственное спасение — найти человеческого лекаря. Но где его искать?

Наморщив лоб, Носк попытался растормошить память и вскоре отыскал ответ.

Больница! Нужно срочно доставить Цзиншаня туда.

Но в какую именно?

Носк наспех натянул сухую одежду — в суматохе даже носки надел наизнанку — и хотел спуститься к стойке регистрации, чтобы расспросить портье. Но страх за любимого пересилил: он просто подхватил спящего полицейского на руки, выбежал на улицу и поймал первое попавшееся такси.

Ван Цзиншань и не подозревал, что, пока он метался в бреду, Носк умудрился притащить его в самый охраняемый Военно-церковный госпиталь столицы. Знай он об этом заранее, то поднялся бы вопреки любой лихорадке, лишь бы предотвратить катастрофу.

\*\*\*

В вестибюле госпиталя было шумно и пахло резкой смесью лекарств и нашатыря, которую Носк терпеть не мог. Потерянно бродя среди толпы с мужчиной на руках, он даже не замечал, сколько удивлённых взглядов провожали его странную пару.

Наконец одна из медсестёр сжалилась и подошла к ним. Поинтересовавшись, что случилось с его спутником, она спросила, нужно ли открыть карту пациента.

— Да, да! — закивал Носк, едва не задыхаясь от волнения. — Он не просыпается... И он весь горит!

Измерив больному температуру, медсестра покачала головой:

— У него сильный жар. В столице сейчас резко похолодало. Вы следили за тем, чтобы он не переохладился?

Носк не понял ни слова из её вежливой тирады. Он лишь уставился на девушку широко раскрытыми, сияющими неземной тревогой алыми глазами, в которых плескалась немая мольба.

Сердце медсестры мгновенно растаяло.

— Ладно, документы я оформлю сама, — мягко сказала она, указывая на лестницу. — Срочно веди его на второй этаж, в процедурный кабинет. С такими симптомами нужно немедленно сдать кровь на анализ.

По дороге вверх они натолкнулись на импозантную блондинку. Назвавшись близкой знакомой Ван Цзиншаня, она тут же вызвалась помочь и побежала разыскивать дежурного врача.

Носк подумал, что ему несказанно повезло. Похоже, среди людей попадалось немало добрых душ. Но бдительности он всё равно не терял: уложив Цзиншаня на каталку, осьминог замер рядом, не отходя от него ни на единый шаг.

Он печально всматривался в осунувшееся лицо полицейского. Больше всего на свете Носку хотелось, чтобы тот поскорее пришёл в себя. Ему уже не нужны были никакие детёныши-осьминоги — лишь бы его человек остался цел и невредим.

Но мужчина лежал неподвижно.

Из глаз Носка непроизвольно покатилась солоноватая влага. Шмыгая носом, он принялся утираться бумажной салфеткой, как вдруг из коридора донёсся яростный крик той самой блондинки, спорившей с врачом:

— Что?! По результатам анализа... он беременен?! Вы там совсем сдурели?! Разуйте глаза, он мужчина! Да у вас тут не госпиталь, а дурдом на выезде! Сука, я на вас жалобу в церковный трибунал накатаю!

\*\*\*

Ван Цзиншань с трудом разлепил веки. Первое, что он увидел — белый больничный потолок. Приподняв руку, он обнаружил на себе полосатую пижаму пациента.

Голова раскалывалась так, будто по ней били кувалдой.

«Кто я? Где я?»

Едва этот классический вопрос пронёсся в его затуманенном мозгу, Цзиншань скосил глаза в сторону и наткнулся взглядом на пристроившегося у постели Носка.

Чего это он так распух? У него и без того радужка была багровой, а сейчас глаза и вовсе покраснели, став похожими на кроличьи. Выглядел он донельзя несчастным.

Заметив движение на кровати, Носк подскочил со своего места с такой прытью, что с грохотом повалил стул, даже не обратив на это внимания.

— Цзиншань! — Он судорожно сжал его ладонь, тут же отпустил и рванулся к выходу: — Я позову врача!

— Носк... — Офицер прижал ладонь к гудящему виску. — Что вообще произошло?

Носк не успел ответить — дверь распахнулась, и палата наводнилась людьми, готовыми пролить свет на случившееся.

Дежурный врач провёл беглый осмотр и ободряюще кивнул:

— Всё в порядке, жар спал.

— Сколько я пролежал без памяти? — спросил Цзиншань.

— Шесть часов, пять минут и тридцать две секунды, — влез Носк.

— С чего вдруг у меня поднялась температура? — удивился полицейский. — Я со школьных времён ни разу не простужался.

На ежегодных ведомственных медосмотрах его показатели всегда были эталонными — здоровье как у сибирского быка.

Врач посмотрел на него с глубоким сочувствием:

— Офицер, беременным алкоголь противопоказан.

Ван Цзиншань словно язык проглотил.

«Неужели... моя тайна раскрыта?»

Пока в его голове бушевал ураган мыслей, в палату вихрем влетела Пэтти. На ней было свободное платье для будущих мам, которое никак не мешало её яростному напору.

— Так, — она нависла над кроватью, едва не хватая его за грудки. — Второй папаша твоего отпрыска... Это ведь мужик, верно? Выкладывай: кто этот гад?!

Ван Цзиншань промолчал.

Ситуация была патовой. Обсуждать собственную беременность с бывшей девушкой — верх неловкости, поэтому полицейскому оставалось лишь глухо держать оборону.

Носк приоткрыл рот, собираясь взять вину на себя, но Цзиншань метнул в него столь свирепый взгляд, что осьминог тут же прикусил язык.

— Ты хоть понимаешь, насколько бредово это звучит?! — Пэтти уставилась на него так, словно

перед ней сидел пришелец. — Если бы заотделением лично не поклялся, что ошибки в анализах исключены, я бы решила, что надо мной коллективно издеваются.

— Значит... теперь все в курсе? — хрипло спросил Цзиншань.

— Нет, конечно, — Пэтти придвинула стул и уселась напротив. — Я сразу пригрозила врачам, чтобы держали язык за зубами. Не дура ведь. Если эта новость доползёт до Святой Церкви, тебя живо запрут в казематах для опытов.

После недолгого молчания Цзиншань выдал:

— Спасибо.

— Брось, мы же не чужие друг другу, — отмахнулась Пэтти. Она взяла нож и принялась неторопливо очищать яблоко, задумчиво вздыхая: — Но поверить в это до сих пор тяжело. Ладно кто другой, но ты! С первого дня нашего знакомства я считала тебя воплощением brutality. Настоящий детектив империи! По уровню тестостерона ты дашь фору любому мужику в этом городе...

Она внезапно осеклась, лицо её снова исказила ярость. Резко взмахнув ножом в воздухе, Пэтти прошипела:

— Найду ублюдка, который это сделал — кастрирую!

Носк, сидевший рядом, испуганно сжался.

Ван Цзиншань промолчал.

— Наверное, подцепил какую-то оккультную заразу на очередном рейде? — предположила Пэтти.

Детектив не удостоил её ответом.

Пока её гипотезы уносились всё дальше в космические дебри, дверь палаты с треском распахнулась от мощного удара ноги. В проёме вырос разъярённый Адлер. Вид у него был такой, словно он явился прямиком с гладиаторской арены с мечом наперевес.

— Где эта тварь, от которой ты затяжелел?! — взревел он, дико озираясь по сторонам. — Выходи, сука! Я из тебя отбивную сделаю!

Цзиншань прикрыл глаза ладонью.

Носк испуганно вжал голову в плечи. Он несколько раз открывал рот, пытаясь признаться, но парализующий взгляд полицейского заставлял его трусливо умолкать.

— Хватит орать, — осадил жениха Пэтти, понимая, что выследить виновника прямо сейчас не удастся. В отличие от прямолинейного Адлера, она обладала гибким умом и женской чуткостью. Парню и так несладко — внезапная беременность для сурового копа явно стала сокрушительным ударом.

Она протянула ему дольку очищенного яблока и мягко произнесла:

— Не изводи себя. Мы с тобой в любом случае. Если решишь избавиться от плода, я перенесу свадьбу и буду дежурить у твоей палаты. Ну а если... если вдруг решишь оставить ребёнка, наши дети будут расти вместе. Если они окажутся разного пола, сможем даже сосватать их в будущем!

— Точно-точно! — активно закивал Адлер.

Цзиншань застыл.

«Помолвка? С выводком маленьких осьминогов?»

От одной этой мысли по его спине пробежал мороз.

— Я буду рожать, — тихо, но твёрдо произнёс он.

Пэтти и Адлер переглянулись и с уважением приняли его выбор.

— В наше время отцы-одиночки — обычное дело, — подбодрила его Пэтти. — С документами и регистрацией проблем не возникнет. Если понадобится помощь — только свистни.

— Ура, я буду крёстным! Ха-ха-ха! — Адлер от радости едва не пустился в пляс, но, поймав тяжёлые взгляды присутствующих, смущённо затих и опустился на стул: — Ой, извините. Пожалуй, сейчас это прозвучало не совсем к месту.

Цзиншань смотрел на него абсолютно мёртвым взглядом.

«Крёстным? Для целого выводка детёнышей-осьминогов?»

Он не сомневался: если Адлер когда-нибудь увидит этих «крестников» своими глазами, его рассудок окончательно покинет этот мир.

<http://bllate.org/book/20372/2161820>